

ИРИНА КАМЕНСКАЯ

МОЛИТВА О ЛЮБВИ

ТОМ I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТРИУМФ

2014

Ирина Каменская

Молитва о любви. Том I

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каменская И. Б.

Молитва о любви. Том I / И. Б. Каменская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В своих рассказах и новеллах Ирина Каменская поднимает темы, которые не оставят равнодушными наших читателей: Извечная тема «Отцов и детей»; С какими трудностями приходится сталкиваться взрослым людям, если они вошли в жизнь с комплексами, зародившимися в детстве; Чем приходится жертвовать ради любви и к чему приводит эгоизм. Каждый рассказ – это драма, психоанализ, попытка разобраться во внутренней проблеме, мешающей человеку быть счастливым и жить в гармонии с миром.

Посвящается всем, кого я любила и люблю.

От автора

Человек рождается для того, что бы стать счастливым, жить в гармонии с собой и окружающим миром. Многие находят счастье в работе, в деньгах, во власти, в творчестве, в семье, в детях. Но... Каждый мечтает найти своё счастье в любви. Что такое любовь: химия, болезнь, сумасшествие, страсть? Ответа на эти вопросы нет, но, как только к нам приходит любовь, мы её узнаём.

Мои рассказы, романы и новеллы посвящены любви и основаны на реальных событиях. Всё, что касается «тонкой материи» и необъяснимых явлений, взято из жизни моих героев.

Я буду рада, если в ком-то из моих персонажей Вы узнаете себя, свои ощущения, свои эмоции, переживания и страхи. Это говорит о том, что жизнь подарила Вам талант – талант любить и быть любимым.

С уважением, Ирина Каменская.

СЕСТРЫ ПО ОТЦУ

или

«Три сестры»

не по А. П. Чехову

Отец родился в 1903 году в аристократической семье, имел два высших образования, одно из которых получил в Германии, был эрудированным и интеллигентным человеком, обладал весёлым нравом, чувством юмора, неиссякаемой энергией и оптимизмом. Знал в совершенстве несколько иностранных языков и разбирался в живописи.

Отец женился трижды. И в каждом браке рождались девочки. Первый раз он женился в 30 лет на девушке своего круга. Женился по большой любви и все 15 лет, которые он прожил с ней, был счастлив. Через 15 лет случилась страшная трагедия – молодая, красивая, любящая и любимая женщина ушла из жизни, оставив его с 13 летней дочкой Лялей. За эти годы он из ведущего инженера вырос в главного инженера завода, обзавёлся трехкомнатной квартирой в центре города, домработницей и славой донжуана. Жена знала о его похождениях, но никаких сцен никогда не устраивала, всегда была милой, нежной и заботливой. Перед своим уходом тихо сказала: «Родной мой. Женись. Не оставляй Лялю без женской заботы и внимания».

После года траура, отец решил жениться второй раз и... навсегда. Время было послевоенное, мужчин мало, тем более с квартирой и положением в обществе. Материальный достаток отца гарантировал будущей жене безбедную жизнь. Невест было много. И он стал выбирать. Из тех женщин, с которыми он, время от времени, встречался, выбирать не хотелось. Всё было знакомо и неинтересно. Хотелось чего-то нового. На завод толпами шли устраиваться женщины, прошедшие войну. Одна из них: донская казачка, статная, красивая, с высокой грудью и голубыми глазами, показалась ему верхом совершенства. Ольгу Андреевну, так звали донскую красавицу, заметили все завидные женихи завода и, даже, города и добиться её расположения для отца стало делом чести. Дело чести принесло свои плоды. На третьем свидании он сделал ей предложение, а через месяц после знакомства они поженились. Он был влюблён, ослеплён и счастлив. Отец не успел подумать, что они с невестой из разных

слоёв общества, что она не обладает ни тем тактом, ни той культурой общения, к которым он привык с первой женой и самое главное, найдёт ли эта красавица общий язык с его дочерью.

Всё стало рушиться с первых же дней их совместного существования. Новая жена ревновала его ко всем, кого она видела рядом: к дочери, к домработнице, к коллегам по работе, к бывшим любовницам, о которых она слышала краем уха на заводе, и даже к жене его родного брата. Что бы он ни старался сделать, а делал он много: покупал цветы, шубы, дорогие украшения, его молодая жена была всегда и всем недовольна. Начались ежедневные скандалы, унижительные оскорбления, истерики и, затем, упрёки и угрозы. Отец узнал, что такое – ад. Через два года мучений они развелись, и его вторая дочь родилась уже без его присутствия. Отец выхлопотал для второй, и, теперь уже, бывшей супруги изолированную комнату с удобствами на улице, успокоился и пустился опять на поиски новой жены. Свою вторую дочь, Марину, он увидел, когда ей исполнилось 10 лет: мать Ольги Андреевны привела её к нему домой.

Поиски новой жены длились долго. То ли отцу понравилась свободная жизнь, то ли не находилось подходящей кандидатуры, а, может быть, он не хотел травмировать старшую дочь, которая, вспоминая Ольгу Андреевну, устраивала истерики, как только он заговаривал о женитьбе. Одним словом, десять лет он жил один, под неустанным оком Ляли и неутоимыми заботами домработницы.

Однажды, когда отцу было уже 57 лет, он сообщил своей любимой дочери Ляле, что собирается жениться и хочет её с новой избранницей познакомить. Марину о предстоящем событии никто оповещать не собирался. Членом своей семьи он её не воспринимал, отцовской любви к ней не испытывал и считал, что это абсолютно нормально: ведь он с ней не жил все эти годы и не воспитывал. Откуда любви взяться? Именно по этой причине ужин был рассчитан на три персоны: он, дочь Ляля и будущая жена. Ляля к тому времени окончила институт, стала совсем взрослой, кое-что понимала в любви, и собиралась выйти замуж. Жила она у тёти в Ростове-на-Дону – прелестнейшей актрисы Театра Оперетты. Узнав от отца такую новость, порадовалась за него, считая, что ему достаточно жить одному, истерики, как раньше, не устроила, быстро собралась и приехала на встречу с будущей мачехой.

Когда же в их квартиру вошла, практически, её ровесница, да ещё совершенно некрасивая, неряшливо одетая и, явно, деревенская девушка, Ляля не смогла скрыть своего разочарования и изобразила на лице абсолютное недовольство.

Будущая жена это заметила, потому что не заметить этого было невозможно, подошла к Ляле, протянула руку для знакомства и представилась:

– Татьяна. Надеюсь, мы подружимся. Теперь я здесь буду хозяйкой, – сказала она.

В глазах же, направленных на Лялю, можно было легко прочитать следующее: «Попробуй не подружиться! Тебе же хуже будет!» Ляля всё поняла моментально, недовольство с лица убрала, и изобразила одну сплошную доброжелательность.

Знакомство произошло, свадьба через месяц состоялась, жизнь продолжалась.

Ляля приезжала, когда хотела или, когда ей было нужно. Отец регулярно снабжал её, правда, втайне от жены, крупными суммами денег. При каждой встрече интересовался, как она живёт, не нуждается ли в какой-нибудь его помощи, волновался за её здоровье, покупал путёвки в самые лучшие дома отдыха на Чёрном море, дарил дорогие золотые украшения.

Марина жила с мамой и ничего, кроме оскорблений и скандалов от неё не видела и материнской любви не чувствовала. От отца получала алименты, изредка приходила к нему в гости, и, за чашкой чая с вишнёвым вареньем выслушивала от отца воспитательные беседы о правилах поведения в обществе. Мама работала с утра до вечера в школе, заниматься воспитанием дочери было некогда, вот отец и восполнял пробелы, считая, что научить свою

дочь правильно держать вилку и нож, красиво вести себя за столом, не опаздывать на встречи и держать спину прямо – необходимые для любого времени и общества знания. Он никогда не спрашивал, что у дочери на душе, что её интересует, чем она занимается, как живёт, голодна она или нет, есть ли у неё необходимая одежда, и хочет ли она что-нибудь в подарок. Эта сторона вопроса его не интересовала. Дамы, алименты получаете? Получаете. Ну и хватит с вас. У меня молодая жена и дочь на выданье.

А жил он с молодой женой вдвоём. Домработница была уволена на следующий же день после свадьбы, в доме воцарился матриархат, и отец уютно был помещён под твёрдый каблук юной жены. Некогда роскошная квартира, сияющая чистотой, превратилась в деревенский хлев с разбросанными по всей квартире вещами и, даже, нижним бельём супружеской пары. Сама же новоиспечённая хозяйка ходила по квартире в рваных кофтах, из которых выглядывала её обнажённая грудь примерно пятого размера, и в отцовских трусах до колен. Она позволяла себе ходить в таком виде и при Ляле с Мариной. При девочках ей особенно нравилось показать, что она здесь хозяйка и прикрикнуть на мужа, стараясь унижить его. То и дело раздавались такие реплики в адрес отца, как: «Ты что удумал, дурак!», «Дурак, ты что делаешь?», «Ну и дурак ваш папочка!». Но одно, неоспоримое, достоинство у неё, всё-таки, было. Татьяна круглые сутки готовила еду: засаливала огурцы и помидоры, варила варенье и компоты, делала наливки и настойки и параллельно успевала готовить отцу завтраки, обеды и ужины в большом количестве. Видимо, отец за десять лет поисков очередной жены настолько изголодался, что был абсолютно счастлив во всём этом кошмаре и улыбался своей очаровательной, жизнеутверждающей улыбкой.

Через год совместной жизни в этой новой семье появился ребёнок. И опять девочка. И назвали её Ларой. Видимо у отца была безусловная любовь к букве «Л».

Он окружил заботой и вниманием свою новую дочурку и все ночные бдения о ней взял на себя, дабы давать возможность жене отсыпаться и набираться сил.

Ляля, через год, после рождения Ларочки, вышла замуж по очень большой любви. Муж был старше её на 10 лет, успел овдоветь, имел пятилетнего сына и прекрасную квартиру в самом центре Ростова. Ляля переехала от тёти к мужу, была счастлива, любима и радовалась жизни. Отец, как и прежде, баловал её своим вниманием и любовью: купил ей машину, на которой они теперь с мужем и сыном приезжали к нему в гости.

Марина окончила школу, поступила к отцу на завод в конструкторский отдел и на вечернее отделение Радиотехнического института. На дневном отделении учиться она не могла, так как надо было помогать маме – алименты закончились, а на учительскую зарплату прожить было невозможно. Мать была постоянно недовольна. Марина старалась ей угодить, сделать более счастливой, но у неё это не получалось. Единственной радостью для дочери стали книги, которые она читала в свободное от работы и учёбы время и походы в кино. С мальчиками, которые были в неё влюблены, мать встречаться запрещала: «Не надейся, что кто-то приличный в тебя влюбится. Одним идиотам и нравишься», – кричала она, – Ни ума, ни сердца. Вся в отца – изверга».

Лариса пошла в первый класс и стала коллекционировать золотые украшения. Отец не мог ей отказать в таком удовольствии. Дочка росла, окружённая родительской любовью, отвечала им взаимностью и радовала их хорошим настроением и отменным аппетитом.

Когда Ляля приезжала к отцу, то привозила Ларочке много подарков, ходила с ней гулять, любила и баловала её. Своих детей у Ляли не было, и быть не могло.

Марина, как и старшая сестра, обожала Ларису, нянчилась с нею, читала ей книги, а когда та подросла, пыталась привить ей любовь к художникам и картинам, которые сама безумно обожала, особенно, импрессионистов. Они часами разговаривали о художниках, о красоте, о будущем, но той близости, которая обычно бывает у сестёр, живущих под одной крышей, между ними, не было.

Ляля с Мариной практически не общались. Встреч у них было очень мало, а бесед, итого, меньше. При виде Марины, Ляля вспоминала все те оскорбления, которые выслушивала от второй жены в свой адрес, и в адрес отца и старалась избежать общения, ограничиваясь стандартными фразами: как дела и как здоровье. Марина же Лялю немного побаивалась из-за того, что старшая сестра казалась ей очень строгой и взрослой, понимала, что Ляля сторониться её и не желает никаких отношений. Да и разница в возрасте в 15 лет была колоссальна.

Но главная причина несостоявшейся дружбы и любви между сёстрами, конечно, была в том, что все они имели, изначально, разное воспитание, положение в обществе и неодинаковый статус в семье отца.

Ляля знала родительскую любовь и гармонию в семье до 13 лет, пока жива была мама, и любовь и поддержку отца в дальнейшем. Она была уверена в себе, в своём блестящем будущем, а, главное, в отце, который никогда её не предаст и не бросит, и всегда будет любить.

Марина не знала ни отцовской любви, ни его поддержки, ни полноценной семьи. С детства слышала от мамы, что она брошенный и никому не нужный ребёнок. Душевную боль и неуверенность в себе ощущала с детства, и в семье отца чувствовала себя изгоем.

Лариса купалась в родительской любви, была папиной принцессой, баловнем судьбы, любимицей сестёр в детстве и самой богатой невестой в городе в юности.

Внешне сёстры, тоже, были разными. Ляля была настоящей смуглянкой. Черты лица были простыми и правильными: большие чёрные глаза, прямой нос, невысокий открытый лоб, пухлые губы, твёрдый подбородок с ямочкой посередине и густая копна мелко вьющихся тёмно-каштановых волос. Расчесать такие волосы было сложно, поэтому она носила короткую стрижку, которая и зимой спокойно могла заменить ей тёплую шапку. Девушка вся была немного широкая: широкое лицо, широкие плечи, широкие бёдра, полные ноги и прямая широкая спина. Весь её облик говорил о том, что перед Вами хороший и надёжный человек, приятная и добрая женщина, воспитанная и обладающая хорошими манерами. В каждом её движении чувствовалось внутреннее достоинство, уважение к себе, уверенность и аристократизм. Лялю часто сравнивали с «Неизвестной», художника Ивана Крамского.

Марине от отца достались чёрные глаза, смуглая кожа, каштановые вьющиеся волосы и обворожительная улыбка. Черты лица были яркими и красивыми: немного раскосые глаза, прямой аккуратный нос, высокий лоб, широкие скулы и пухлые, немного выпуклые, губы. Фигура у Марины была женственной: узкие плечи, тонкая талия, широкие бёдра, небольшая грудь и стройные ноги. Она не осознавала своей красоты, чувствовала себя одинокой, часто грустила, плакала, страдала от неуверенности в себе, много читала, пытаясь в книгах найти ответы на волнующие её вопросы, занималась в драмкружке, играла в большой теннис и мечтала об отцовской и материнской любви. Её принимали за испанку и гречанку, за итальянку и француженку, и никогда – за русскую. Несколько художников пытались написать её портрет, но ни одному из них не удалось перенести на полотно ту изюминку, которой она обладала и которая изначально привлекала их внимание.

Ларисе с внешностью не повезло. Она была точной копией своей мамы: светло карие глаза-щёлочки с нависшими веками, русые прямые редкие волосы, приплюснутый нос с широкими ноздрями и узкие губы. Все эти черты придавали её лицу злое выражение. В Ларисе не было ни тени Лялиного аристократизма, ни Мариной женственности. С детства она любила много поесть, поэтому была очень полной, неуклюжей и при ходьбе слегка косолапила. Но при этом обладала весёлым и беззаботным нравом, безграничной уверенностью в себе и считала, что весь мир должен крутиться вокруг неё. С 10-летнего возраста у неё была только одна мечта – выйти замуж и родить много детей.

Время шло, отец старел, из главного инженера завода его перевели начальником экспериментальной лаборатории, его жена продолжала готовить, Лариса – взрослеть.

Ляля жила с мужем в Ростове, воспитывала его сына, поднималась по карьерной лестнице, красиво и со вкусом одевалась, была хорошо обеспечена и, главное, счастлива. Когда к ней приезжал отец, то они всей семьёй ходили в театр на спектакли, в которых принимала участие её родная тётушка, а после спектакля обязательно шли в ресторан. Отец умел устраивать праздники для своей любимой дочери. Каждый раз, уезжая от Ляли, он оставлял ей крупную сумму денег на «мелкие расходы». Ему доставляло удовольствие баловать Лялю. Его радовало, что у дочери всё отлично, что она хорошо живёт с мужем, и даже отсутствие внуков не приносило огорчений. Ведь есть ещё Лариса – она обязательно подарит ему продолжателей рода. О Марине, которая могла бы, тоже, родить ему внуков, он даже не вспоминал.

Горе в Лялину семью пришло внезапно. Да и разве горе может быть ожидаемым? В автокатастрофе погиб любимый муж. А через пол года повесился его сын, не оставив даже записки. Ляля страдала и отец, как мог, старался быть рядом и помогал ей своей любовью и вниманием. Через три года Ляля второй раз вышла замуж. Но семейная жизнь не сложилась: муж пил, устраивал скандалы, стал поднимать на неё руку и она, промучившись несколько лет, ушла от него, развелась и осталась одна. После развода Ляля взяла отпуск на работе и приехала залечивать душевные раны к отцу. Ходила купаться к морю, пыталась общаться с Ларой, которой к тому времени исполнилось 20 лет, гуляла с отцом по городу и часто плакала, вспоминая свою маму и первого мужа. Постепенно боль утихала, возвращалось желание жить, любить и работать. Ведь ей только исполнилось 47. Ещё многое можно успеть сделать.

Завод, на котором работала Марина и её отец, ежегодно отправлял на учёбу в Московский вуз по 2-3 человека и платил им стипендию. Первый и единственный раз Марина попросила отца помочь ей попасть в их число. И отец помог. Она стала студенткой дневного отделения МЭИ и поселилась в общежитии. Марина старалась хорошо учиться, но, иногда пропускала лекции, чтобы прогуляться по Московским улицам и посидеть в кафе на Арбате, а по вечерам ходила в театры на «лишний билетик». Записалась в театральную студию при институте и играла во всех спектаклях. Поступила в «Школу художественного чтения» при МГУ, в которой читала стихи Анны Ахматовой и Инны Кошежевой. Каждое лето работала культурным организатором в студенческом лагере на Чёрном Море. Ездил с концертными программами по другим студенческим лагерям с самим, тогда уже известным, Александром Градским. Всё это наполнило её жизнь, но не сделало счастливой. Если ей удавалось приехать на лето домой, то она в первый же день приходила к отцу и Ларочке в гости. А когда отец приезжал в Москву в командировку, то встречался с дочерью и они вместе ходили на выставки, в театры и на концерты. Иногда часами просиживали в кафе и вели продолжительные беседы. Именно такие дни и были самыми счастливыми в её жизни. Отец был очень импозантен: красиво одевался, любил носить берет, как французские художники – немного набок, блистал остроумием, знанием иностранных языков и хорошими манерами. Иногда ей начинало казаться, что он любит её так же, как и других дочерей, но... разве об этом спрашивают?

Личная жизнь у Марины не складывалась: многие студенты пытались за ней ухаживать, но девушка была уверена, что никто не сможет её полюбить, что в ней нет тех качеств, за которые любят. Ухаживания принимать боялась: а вдруг узнают её поближе и разочаруются. Чувствовала себя одинокой, никому не нужной и несчастной. В 26 лет Марина окончила институт, защитила диплом и собралась замуж за человека, которого совсем не любила. Любил ли он её? Она была уверена, что – нет. Просто и для него и для неё пришло время создать семью и родить ребёнка. Денег на свадьбу не было. Мама попросила у отца. Он

дал... В долг... Отдать надо было через год. Марина стала работать на трёх работах, чтоб расплатиться: утром подрабатывала уборщицей, к 8 утра шла на основную работу в НИИ, по вечерам вязала Московским модницам свитера и платья. Каждый месяц отправляла отцу деньги. Через год расплатилась. Потом родился сын. Ещё через год – развод: жить без любви было тяжело и бессмысленно.

Сына каждое лето отвозила к маме в Таганрог. К морю. Самой приехать отдохнуть летом не получалось: график отпусков был очень строгий.

Получилось только один раз. К тому времени сыну исполнилось 5 лет. Марине было 32 года.

Лариса окончила школу, но продолжать учиться не захотела. Те институты, которые были в Таганроге, её не интересовали, а жить у сестры в Ростове и учиться на искусствоведа – это, конечно, было бы интересно, но Ляля – это не мама с папой. А от мамы с папой Ларисе уезжать не хотелось. Она мечтала, что сразу же после окончания школы выйдет замуж, будет сидеть дома и воспитывать детей. Вот как мама. А муж будет зарабатывать деньги и делать всё, что она захочет. Все мужчины немного глупые: им что ни прикажи, покричи на них, и они слушаются – как папа. Невеста она богатая: папа сказал, что на сберкнижке, которую он для неё открыл после её рождения, лежит очень много денег. И золота папа подарил очень много. Мальчики в её классе были, но ни один из них за ней не ухаживал. Да и подруг близких у неё не было. Самая близкая подруга – это её мамочка любимая. «Надо ей сказать, что бы она мужа нашла. И что бы с папой поговорила. Пусть и он ищет. Надо на завод пойти работать. Там много мужчин», – подумала Лариса и пошла работать. Папа устроил её на такую работу, что она почти ничего не делала: разносила документацию на подпись по отделам. Перезнакомилась со всеми. Если ей кто из мужчин нравился, она долго с ним разговаривала и обязательно, как бы, вскользь, намекала, что она богатая и что папа у неё большой начальник. Папа с мамой стали приглашать в гости на ужин знакомых, у которых были взрослые сыновья, но из этой затеи ничего не вышло – никто не посватался. Но Лариса надежды не теряла и решила знакомиться с рабочими завода. Осенью каждый год завод направлял всех без исключения на сбор урожая в подсобное хозяйство. Она никогда раньше не ездила, а тут вдруг решила поехать. Папа всё устроил: договорился с начальником, что бы её работой особенно не загружали.

Месяц, который она там провела, прошёл быстро. Днём – работа, а по вечерам – танцы или посиделки с песнями. Однажды её пригласили в компанию сотрудники из папиной лаборатории. Публика собралась солидная, и идти не хотелось. Пошла, что бы их не обидеть. Нарядилась, золотые украшения надела. Подошла к беседке, в которой они её ждали. Решила послушать, о чём говорят папины подчинённые. Лучше бы не слышала.

– Что-то Лариса задерживается. И зачем ты её пригласил?
– Как зачем? Всё-таки дочь начальника. Уважение проявить надо.
– Да, не повезло ему с младшей. Ты Марину видел?
– Видел, конечно. Красавица! Умница, не чета, этой.
– Да, красивая у него Марина. Я даже влюблён был.
– Удивил! Да в неё пол завода влюблены были. С ума сходили, замуж звали. Нет, два года работала и ни одного романа не завела.

Дальше Лариса слушать не стала. Развернулась и пошла к себе.

Ненависть, злость, зависть к сестре вспыхнули с такой силой, что в глазах потемнело.

– Дураки! Все дураки! Нашли красавицу! Любят её! Зато папа меня любит. Её не любит. И никогда не любил. Я знаю. Ненавижу её, ненавижу, – говорила Лариса сквозь слёзы.

С той поездки прошёл почти год. Подслушанный разговор постепенно перестал вызывать такую бурю эмоций, настроение улучшилось, а зависть и ненависть к сестре остались. Мужа она себе пока не нашла. Но отчаиваться Лариса не собиралась. Ведь ей всего 20! Всё ещё впереди.

Марине повезло. По графику отпуск выпал на август. Купила билеты до Таганрога и отправилась по магазинам за подарками. Для себя решила купить босоножки, так как пойти в гости к отцу было совершенно не в чем. Она с юности научилась шить и вязать, поэтому с сарафанами, юбками, платьями и свитерами проблем не было. А вот обувь! Зарплата инженера, да ещё и на двоих с сыном, совершенно не предназначалась для покупки обуви, шуб, украшений, то есть, всего того, что подразумевалось под предметами роскоши. Хорошая обувь – это роскошь! По крайней мере, для неё. Вряд ли она ещё и обувь научиться шить. Осенние туфли она носила вот уже 11 лет, а им и сносу нет. И ещё поносит. Летней обуви у неё практически нет, только одна пара босоножек, да в Москве это и не обязательно, а вот в Таганроге это просто необходимо, но главное – хотелось к отцу прийти красивой. Марина вошла в обувной отдел, подошла к полкам 38, совсем не маленького, увы, размера и посмотрела на коллекцию, которую предлагала фабрика «Большевичка». Выбор был не богат, вернее, выбора не было вообще. В том, что увидела Марина на полках, к отцу идти было нельзя. «Уж лучше пойду в старых босоножках», – решила она и направилась к выходу. В этот момент из подсобного помещения вышла продавщица с несколькими яркими импортными коробками. Одну из них она открыла, достала из неё босоножки и аккуратно поставила на полку. Но что это были за босоножки! Они были чудесными! Они были предметом мечтаний всех Московских модниц: плетёнки на небольшой, тонкой шпильке, цвета спелой вишни! Марина посмотрела на цену: 25 рублей! (Четверть месячного оклада инженера – прим. автора.) Для неё это было дорого. Что бы заработать 25 рублей, ей пришлось бы каждый вечер, на протяжении двух недель, вязать на заказ очередной свитер. Что она, впрочем, и делала с тех самых пор, как закончила институт. И будет делать в дальнейшем. На жизнь для них с сыном она заработает. Подумав немного, Марина решилась. Примерила это импортное чудо, прошлась, сняла, полюбовалась, внимательно их рассмотрела, опять примерила, опять прошлась. Они сидели идеально! А главное – в них было легко и комфортно. Сняла босоножки, положила их в коробку и отдала продавщице. Та выписала ей квитанцию на оплату, на коробке поставила мелом цифру «1» и отложила в сторону. Марина пошла к кассе. Пока оплачивала, набежала целая толпа женщин, желающих купить такие же босоножки. Марина с трудом протиснулась к прилавку, отдала чек, взяла коробку с покупкой и отправилась домой за чемоданом. Поезд отходил через два часа. Времени оставалось в обрез.

Таганрог встретил Марину терпимой жарой, запахом пирожков, семечек и вяленой рыбы. На привокзальной площади всё это великолепие продавалось на каждом углу.

– Семечки, кому семечки, кто забыл купить семечки!

– Пирожки, домашние пирожки! Только что из печки! Горячие!

– Рыбу! Кому рыбу!? Рыбец, Тарань! С икоркой! Свежая, жирная, слабосоленая! Не пожалеете! Благодарить будете!

А как говорят! Поют, а не говорят! Растягивают все согласные! А буква «Г»... В алфавите существует твёрдая буква «Г». В Таганроге её нет! Здесь она смягчилась, расплавилась от солнца и превратилась, практически, в букву «Х». И попробуйте отучиться, переехав в другой город! Не пытайтесь: быстро у вас это не получится!

Марина отучилась с трудом. Но, попадая в родной город, она уже через два-три дня, начинала растягивать слова и с трудом произносить правильно букву «Г».

Первые дни были посвящены сыну, ещё раз сыну и только сыну. Вместе сходили и купили велосипед, сходили на базар (рынок), накупили необыкновенно вкусных фруктов и ягод, да в таком количестве, что половину не успели съесть – испортились. А поход в кино?! Они шли не на один фильм, а подряд на два, а ещё лучше, если на три. Благо, что городок небольшой: от одного кинотеатра до другого – рукой подать. За два дня пересмотрели все фильмы во всех кинотеатрах. Затем начались походы на море. В городе два пляжа: первый «Центральный» – там песок, второй, «Городской», рядом с портом – асфальт и спуск к морю выложен камнями. На первом толпы отдыхающих, а на втором интересно: плаваешь и на корабли смотришь. Марина за первую неделю отдохнула, загорела, отоспалась, пропиталась счастьем от общения с сыном и решила позвонить отцу. Телефона в квартире у них не было, и она пошла к соседям. Позвонила. Трубку взяла жена.

– Здравствуйте, тётя Таня. Это Марина. Папу можно?

– Ты в Таганроге, что ли? Можно папу. Ща позову. Босс! Тебя.

– Я слушаю, – голос отца, как всегда, был бодрым.

– Здравствуй, папа.

– О, Мариночка. Здравствуй, рад тебя слышать. Приехала? Хорошо. Как там Москва? Стоит? – пошутил отец и сам же засмеялся своей шутке.

– Москва стоит. И ты, я слышу, бодрый.

– Знаешь, я книгу пишу.

– Книгу? О чём книга, папа?

– О заводе во время войны. Ну, если придёшь, тогда и поговорим. Ты как, зайдёшь?

– Конечно. Очень соскучилась. Ты только скажи, когда тебе удобно?

– Дай подумать. Завтра в деревню уезжаем все вместе, до воскресенья. Таня, как ты думаешь, в воскресенье до шести вернёмся? – спросил жену отец.

– Ну, что ж теперь делать. Вернёмся, наверно, раз гости придут. Босс, своей головой думать можешь? – недовольный голос жены отца был слышен так отчётливо, как будто она говорила в трубку.

– Папа, если ты не можешь, давай в другой раз. У меня ещё 10 дней отпуска.

– Ты её не слушай. Она вечно ворчит. Давай в воскресенье. Все соберёмся, посидим по-семейному. Как там Артёмка? Давно не видел.

– Хорошо, он уже совсем взрослый.

– Вместе и приходите, – бодро сказал отец, – К вам не получится прийти. Работы много, да и отношения с твоей мамой, сама знаешь. Ну что, договорились?

– Конечно, придём. В шесть будем. Дай мне Лару на минутку, пожалуйста. Она дома?

– Дома, сейчас позову. Ларочка, доченька, тебя Марина к телефону. Возьмёшь трубку?

– Чё надо? Поспать не дают, – услышала Марина сонный голос сестры – Аллё, ты где? В Москве или здесь? – спросила Лариса.

– Здесь. Разбудили тебя?

– А время сколько?

– Да уже два часа.

– Сейчас поедем и опять спать лягу. Ты к нам придёшь, что ли?

– Да, мы с сыном придём.

– А, ну хорошо. Значит, увидимся.

– Я тебе кое-что привезла.

– Что? – голос Ларисы оживился.

– Клода Моне.

– Что? Купила!? – Лариса моментально проснулась.

– Купила. И тебе и себе. В воскресенье принесу.

– Ты что, я не доживу до воскресенья! Может, сейчас приедешь?

– Нет, я не могу. Сын спит.

– Тогда я к тебе. Через час буду. А книга толстая? Много картин? Нет, не говори. Сама увижу. Скоро буду, поем только. Всё, пока, – Лариса, не дожидаясь ответа, бросила трубку и закрылась по комнате.

– Что случилось? – спросил отец, – Что тебя так обрадовало, доченька?

– У меня теперь есть и Моне. Все были, кроме него. А теперь и он есть. Ура, ура, ура, ура. Мама, жрать хочу.

– Ларочка, не говори так.

– Папа, отстань. Как хочу, так и говорю.

– Вечно ты со своими замечаниями, Босс. Куды – там, культурный нашёлся! Марину свою воспитывай, а нам и так хорошо. Правда, доча? Иди отсюда. Дай поесть спокойно, – Татьяна зло посмотрела на мужа и стала накрывать на стол.

Отец виновато заулыбался, как-то весь поник, ссутулился, вышел из кухни и закрылся в своём кабинете.

– Доча, что кушать будешь? Вареники с вишней или с картошкой? – Ласково спросила мать у дочери.

– И с вишней, и с картошкой, – радостно ответила Лариса и села за стол. На кухню зашла Ляля.

– Приятного аппетита, Лара. Что за шум? Я слышала, гости у нас будут? – спросила она у сестры. Ларисе было не до разговоров. Процесс поглощения вареников её полностью захватил.

– Да. Ваш папочка Марину с сыном пригласил, – ответила вместо неё недовольным тоном Татьяна.

– И что? Отца надо обижать? Она ему дочь. Такая – же дочь, как и мы с Ларой.

После развода с мужем, Ляля решила поехать на курорт. Хотелось отдохнуть и немного прийти в себя. Но отец предложил провести отпуск у него, и Ляля согласилась. Рядом с отцом ей всегда было тепло и уютно. Она любила и жалела его. Видела, какую власть над ним имеет жена. Татьяну она давно перестала бояться – эта злобная и недалёкая женщина ничего, кроме презрения, у Ляли не вызывала, а давняя любовь к младшей сестре быстро прошла, как только Лариса стала превращаться в точную копию своей матери.

– Не такая. Он с ней не живёт, – изрекла Лара с полным ртом.

– Но видется то он может. Ларочка, вы внешне похожи? Я её совсем не помню, – Ляля была сама вежливость.

Лариса доела вареники и облизывала пальцы. Вспомнился разговор, который она случайно подслушала на «картошке».

– Издеваешься? Мы похожи? Если бы! Весь завод говорит, что Марина красивая, а я – нет! Ненавижу её, понятно? Ненавижу! – со злостью сказала Лариса.

– Успокойся, доченька. И ни чем ты не хуже Марины, – сказала Татьяна, загремев посудой, – Ты на меня похожа? Похожа! Я вон какого мужа отхватила: богатого да знатного. Не чета многим. И ты себе такого отхватишь. А Марина, вся из себя красавица, одна живёт с ребёнком. Без мужа и в коммуналке. Нашла, кому завидовать! Она тебе пусть завидует!

– Что я слышу? Значит, Вы папу цените? – спросила Ляля с усмешкой, – Кто бы мог подумать? Как приятно. Богатый и знатный, говорите? А добрый и заботливый? Или эти качества не рассматриваются?

Ляля вышла из кухни и зашла в кабинет к отцу, подошла к нему, обняла.

– Папа, успокойся. Ну, нет в них культуры, и не будет. С ней рождаются.

– Да, понимаю, неприятно всё это. И ничего не сделаешь – жена.

- Папа, ты ещё маму помнишь?
- Помню, Лялечка, конечно, помню. Я очень её любил, – тихо сказал отец.
- Знаю, папа. И она тебя любила.
- Если бы не Ларочка, я бы давно с ней развёлся. Да куда в моём возрасте? Но готовит она хорошо, согласись.
- Соглашусь. Жаль, что Лариса не в нашу породу.
- Да, удивительно. Ничего моего. Но, я её люблю.
- А Марину?
- Не так, как вас с Ларочкой. Я же с ней не жил. Да и видимся редко.
- Интересно, она похожа на мать? – спросила Ляля, задумалась и добавила, – Как я её ненавидела! Я таких оскорблений в жизни ни от кого не слышала. Откуда у неё это? Простая женщина. Казачка.
- Да, это она умела. Но Марина хорошая девушка. Увидишь. Моя кровь.
- Не верю, папа. Ладно, прости. Пойду к морю погуляю. К ужину буду, – Ляля вышла из кабинета отца. Проходя мимо кухни, сказала: – Да, кстати, «отхватила» – очень базарное слово. Вы не находите, Танечка? – и вышла из квартиры.
- Ишь, «отхватила» ей не нравится. Подумаешь, интеллигенция! И эта ещё придёт, Марина. Тоже, вся из себя, культурная. Как со стариком любовь крутить, так вся культура, куда и делась.
- Ты это о чём? – насторожилась Лариса.
- О Марине твоей. С пол заводом романы крутила, даже со стариком.
- С каким стариком? Я его знаю?
- Нет, он на пенсии давно. Был такой – Нужнов. По нему все заводские тётки сохли. А Марина, что? Исключение? Тоже, наверно, влюбилась. Но совесть надо иметь? Со стариком на глазах у отца шуры – муры разводить? Правильно отец её тогда в Москву отправил. От неё один позор, от Маринки этой.
- Ну вот, у неё романы были, а у меня ещё ни одного ухажёра не было. Аж завидки берут. Я тоже хочу романы. У-у-у, ненавижу её.
- Ничего, и у тебя женихи будут. Ты вон, какая богатая. А Марина твоя нищая, да ещё с ребёнком теперь. Кому она нужна? Ты ей ещё нос утрёшь. Вместе утрём.
- Хотелось бы. Побежала я, книгу ужасно хочется забрать. Что у нас на ужин? Ты голубцы сделаешь? Всё, пока. А на Ляльку не обращай внимания. Злющая она. И без мужа. А ты с мужем. Она тебе просто завидует, – весело сказала Лариса и выбежала из квартиры.

Пока Ляля прогуливалась у моря, а Лариса спешила получить своего заветного Клода Моне, Марина, ожидая сестру, решила ещё раз примерить новые босоножки.

Достала из чемодана, посмотрела на цифру «7», написанную белым мелом на коробке, и удивилась.

– Странно, – произнесла она вслух, – Я точно помню, что на коробке стояла цифра «1».

Вынула босоножки и удивилась ещё раз: они показались ей маленькими. Она покупала импортный 40-й размер, который соответствует русскому 38-му. Посмотрела на подошву. Там стояла цифра 38, а это на 36 размер.

В этот момент в квартиру позвонили и Марина, поставив босоножки на пол, пошла открывать. Пришла сестра.

Лариса быстро прошла в комнату и плюхнулась на диван.

– Ну и обожралась я. Мама такие вареники сделала – объеденье. Чай сделай. Пить охота. А книга где?

– Может, для начала, поздороваемся?

– Я не сказала? Ой, ну, здравствуй. Меня папа замучил своими замечаниями, теперь и ты начнёшь?

– Здравствуй, Лариса. Не буду, не буду.

Марина достала книгу из чемодана и протянула Ларисе.

– Сейчас приготовлю чай. Сладкое будешь?

– А что у тебя есть?

– Торт медовый есть, конфеты, булочки с маком. Что захочешь, то и съешь.

– Отличненько, – ответила Лариса, пролистывая книгу, – Ух ты, мои любимые картины! Здоровая книга!

– Чай готов. Иди сюда, – позвала её Марина.

Пройдя на кухню, Лариса вдруг остановилась в дверях и внимательно посмотрела на сестру.

– У тебя сколько килограмм?

– Ты хочешь узнать мой вес? 57.

– Ты такая худющая? Моя мама быстро бы тебя откормила.

– Мне нравится. Ты мне скажи, тебе книга понравилась?

– Ещё бы! Обзавидуются все! – ответила Лариса с полным ртом.

– В таком случае, хочется услышать слова благодарности.

– А я что, спасибо не сказала? Ой, вы меня с папой точно достанете. Спасибо большое пребольшое.

– Я очень рада. Действительно, книга отличная. Мы с тобой в этом похожи. В Москву зимой импрессионистов привозили. Так я 4 часа в очереди простояла. Ты не надумала на искусствоведа поступать? В Ростов, по-моему, ты собиралась?

– Вот ещё! С этой, злючкой, Лялькой жить? Ни за что! Не хочу от мамы уезжать.

– Можно было бы попытаться. Не всегда же ты с мамой будешь жить.

– Не, мама готовит вкусно. А тебе в Москве нравится?

– Нравится, конечно. Только иногда тяжело бывает.

– А ты замуж выходи. У тебя ухажёры есть?

– Мужское внимание есть, конечно, но замуж? Таких пока нет.

– Не зовут. Поняла. Кому нужна женщина с ребёнком.

– Это, тоже, конечно, причина. Но не моя.

– А у тебя какая причина?

– Гармония между людьми нужна, что бы жить вместе.

– Это как?

– Тебе Клод Моне нравится?

– Ещё бы! Конечно!

– А Шишкин?

– Абсолютно нет!

– Значит, Клод Мане – по духу твой художник, ты с ним в гармонии, ты его понимаешь, чувствуешь. А Шишкин – не твой. И ты картины Шишкина дома держать не будешь.

– Конечно, не буду. Никакой радости от его картин.

– Ну, а мне, зачем муж, с которым радости не будет?

– Зачем – зачем. Надо. Чтоб деньги зарабатывал.

– Для меня этого мало. Что бы быть счастливой в браке, мне нужен мой мужчина. Поняла? Такого пока нет. Да и, вряд – ли, будет.

– А кто такой Нужнов? Он был твой?

– Нужнов!? Очень хороший человек. А ты откуда знаешь его? Он же на пенсии давно.

– Так, слышала кое-что.

– Я поняла. О нас слышала, да?

- Да. Марин, мне ужасно интересно. Расскажешь?
- Я могу рассказать. Если дашь честное слово, что забудешь все сплетни, которые о нас слышала. Договорились?
- Сто пудов! Уже забыла!
- Тогда слушай. Мы вместе в одном отделе работали, и мне было с ним очень интересно беседовать. Разговаривали часами, особенно, когда работы мало было. Он мог ответить на любой вопрос. Это был первый взрослый мужчина, который сказал, что я интересный человек и умная женщина. Я его всегда с благодарностью вспоминаю и никогда не забуду. Вот и вся история, – Марина замолчала.
- А потом что? Он стал твоим любовником? – спросила Лариса.
- Нет, любовником он не стал. Мне было 18, а ему 58. Он дедушка для меня. Сама подумай!
- А я слышала на заводе, что скандал был.
- Не скандал. Моя мама где-то услышала, что я часами с ним разговариваю. Испугалась за меня – вдруг он меня обидит – и попросила отца перевести меня в другой отдел.
- И всё? Делов – то. А дальше?
- С тех пор мы ни разу и не виделись. Мой новый отдел находился в другом конце завода. А через год меня завод отправил на учёбу в Москву, а Нужнов по возрасту ушёл на пенсию. Вот и вся история.
- А у меня на заводе нет совсем ухажёров. И историй никаких не было. Я замуж так хочу, а не за кого.
- Тебе в институт поступать надо, учиться надо. Ну что – замуж? Полюбить никого не пробовала?
- Пусть вначале меня полюбят. Только, кроме папы, меня никто не любит. Ну, мама ещё любит.
- Попробуй внешность изменить.
- Как это?
- Спортом займись. Похудей немного. Одежду смени. Ты же одета, как взрослая женщина. Дорого и строго. Парни к тебе, наверно, подойти боятся.
- Да, как же, боятся они. Слышала я тут один разговор, – Лариса расстроилась, вспомнив разговор на «картошке».
- А ты меньше слушай. И не расстраивайся.
- Вот ещё, было бы из-за кого. Не, спорт – это не для меня. А одежду мне мама покупает. С ней не поспоришь. Она говорит, что я молодая и богатая, и что замуж выйду и детей нарожаю кучу, – Лара съела конфету, повеселела, в очередной раз пристально посмотрела на Марину и спросила:
- Почему ты золото не носишь? Ты же у нас такая красивая, тебе пошло бы.
- Не хочу. Не люблю золото. Я серебро ношу. С загаром очень красиво.
- Я, что-то, и серебра на тебе не вижу. Не взяла с собой?
- В Москве оставила. Загорю, вернусь в Москву, и буду носить.
- А я уж подумала, что денег у тебя нет. Ладно, пойду я. Родители ждут на ужин. Лариса поднялась из-за стола, зашла в комнату за книгой и увидела босоножки.
- Ой, что это? Какие красивые! Твои? Ща померю.
- Лариса, у тебя какой размер? – спросила Марина.
- Тридцать восьмой.
- И у меня 38-й. А босоножки 36-й. Они на нас малы.
- А зачем ты 36-й купила?
- В магазине перепутали. Перед твоим приходом обнаружила. Даже расстроилась.
- Ещё бы не расстроиться. Жалко. И что с ними теперь делать будешь? Продавать?

– Зачем? В Москву вернусь и обменяю.
– А сколько они стоят?
– Они стоят безумных денег. 25 рублей.
– Сколько!? Чё, такие цены есть?
– В Москве есть. Босоножки импортные. Хотела к вам в гости в них прийти. Не повезло.

– Чек покажи. Не верю, что так дорого.
– Лариса, что ты такое говоришь? Мне не веришь?
– Тебе-то я верю. Хочется на чек посмотреть. Может, тебя в магазине обманули.
– Никто меня не обманывал. Давай эту тему закроем. Я их продавать не собираюсь. В Москве обменяю на другие.

– Знаешь, я на работе у девчонок поспрашиваю. Может и купит кто. Если кого найду, в понедельник после работы забежим. Идёт?

– Спасибо тебе, конечно, но не стоит. Я не буду их продавать. Никого не приводи, пожалуйста.

– Посмотрим. Помочь хочу. Пока. Я побежала, – Лариса, прижав книгу к груди, вышла из квартиры.

Ляля возвращалась с моря, а Лариса мчалась домой, что бы похвастаться новой книгой. Вбежав в квартиру, она направилась сразу к маме и положила перед ней новое приобретение.

– Смотри, что у меня есть. Тут почти все картины Моне!
– Отцу лучше покажи. Мазня какая-то. Не понимаю я их.
– Ты вообще ничего не понимаешь. Ни в картинах, ни в одежде. И никакую любовь Марина с Нужновым не крутила. Она мне всё рассказала. Дружили они, ясно?
– Ты как с матерью разговариваешь, соплячка? Один раз с этой пообщалась и уже мать оскорбляешь?! Ишь, дружили они! У отца спроси, как они дружили.

В этот момент открылась дверь и в квартиру вошла Ляля.

– И спрошу. И одежду мне другую покупай. Я в твоих платьях, как бабка выгляжу, – закричала Лариса, выбежала из кухни, задев Лялю плечом, и скрылась в кабинете отца.

– У нас, что ни день, то праздник. Что на этот раз, Таня? Что с Ларисой?
– У Марины была. Вернулась и тут же стала меня оскорблять. И в картинах не разбираюсь и одеваю её не так. Набралась там московской культуры.

– Марина права. Одеваешь ты Лариску, как бабку старую. А что за картины?

– Да вон, мазня какая-то лежит.

– Это Клод Моне – мазня? Откуда книга? – спросила Ляля.

– От сестрички. Принесла её нелёгкая, эту Марину.

– Да, Танечка. Тебе, действительно, тяжело. Может, отменить воскресный ужин?

– Не будет никакого ужина, пока Ларка передо мной не извинится!

В доме начался скандал.

Закончился он ближе к ночи извинением Ларисы, слезами, всеобщим перемирием, обещанием Татьяны, что Ларисе купят новые, более молодёжные наряды. Отцу пришлось – таки подтвердить, что Марина крутила любовь с Нужновым: жену надо поддерживать, иначе житья в доме не будет. Ларисе пришлось поверить, что Марина её обманула в истории с Нужновым, хотя в душе она очень сомневалась, но мама – есть мама: а то ещё готовить откажется и новые платья не купит. Татьяна торжествовала истинную победу: мало того, что все перед ней извинились, так ещё и к выводу пришли, что всё зло в семье – от Марины: приехала и всех перессорила.

Для Марины настало долгожданное воскресенье. Мама ушла с утра к подруге отдыхать от домашних дел. Марина приготовила завтрак, накормила Артёма и стала собираться

в гости. Выбрала самое красивое и модное платье, которое сама сшила по каталогу, выглядела, повесила на плечики, полюбовалась. Уложила красиво волосы, подкрасила немного ресницы. Для сына приготовила шортики и футболку, отгладила и тоже повесила на плечики. Тщательно вымыла обувь, в которой они пойдут в гости. Свои босоножки, которым уже лет 10, пришлось немного подкрасить обувной краской. Поскольку краски в доме не было, пришлось сходить в обувной ларёк и купить её. В красивый пакет, который привезла специально для этого дня из Москвы, положила подарки: для отца шахматы, для тёти Тани книгу рецептов: «Блюда из морепродуктов». Ларисин подарок был уже отдан, но к сестре прийти с пустыми руками она, всё равно, не могла. Сбегала в магазин, купила торт для всех и коробку конфет для Лары. Часы показали 5 вечера и Марина с Артёмом пошли в гости. В гости к отцу и к бабушке – к очень любимому человеку.

Ляля сидела на балконе и делала вид, что читает книгу. После недавнего скандала, она отказалась ехать в деревню и осталась дома. Побывать в тишине и не видеть двух этих «милых дам» – истинное блаженство. Она прогулялась по городу, ходила к морю, хорошо поспала, одним словом – отдохнула. И, наконец, только сегодня, призналась себе в том, что постоянно думает о Марине.

У отца со второй женой, Ольгой Андреевной, свадьбы не было. Отец привёл её в дом сразу же после ЗАГСа. Ляля сидела в своей комнате и читала книгу, когда в дверь постучал отец и попросил разрешения войти.

– Заходи, папа.

– Лялочка, выйди, пожалуйста. Я тебя хочу кое с кем познакомить.

Ляля вышла. В зале, держа отца за руку, стояла молодая, красивая, пышнотелая женщина.

– Доченька, так получилось. Я не успел тебя предупредить, но, понимаешь, так получилось. Это моя жена. Можешь называть её тётей Олей.

– Здравствуй, Ляля.

– Здравствуйте, тётя Оля.

– Лялочка, скажи Груне, что бы она стол накрывала, а я Оле квартиру покажу.

Груня, домработница, накрыла стол, все сели. Разлили вино, поздравили молодожёнов.

– Ляля, – обратилась к ней тётя Оля, – А чем это ты занималась у себя в комнате за закрытой дверью?

– Книгу читала, – опешила Ляля.

– А дверь почему закрыла, если просто книгу читала? Может, ты ещё чем-то занималась?

– Чем?

– Откуда мне знать? За закрытой дверью ничем хорошим не занимаются.

– Оля, о чём ты говоришь? Что за подозрения? – возмутился отец.

– Папа, я пойду к себе в комнату, – сказала дочь.

Встала из-за стола и ушла в свою комнату. Слезы незаслуженной обиды душили её. Груша пришла к ней, что бы успокоить, а отец остался с новоиспечённой женой и долго на повышенных тонах выяснял, в чём она подозревает его дочь.

Так состоялось их первое знакомство. Ляля её возненавидела. Дальнейшая их жизнь была адом. Ольга Андреевна подозревала отца в том, что Груня, которой было далеко за 60, его любовница и устраивала скандалы при Ляле. Со временем, начались подозрения и скандалы по поводу и других женщин, с которыми отец сталкивался по работе. Позже она же сообщала отцу, что Ляля вместе с подругами запираются в комнате и занимаются чёртичем, а, скорей всего, рассматривают мерзкие фотографии. Дальше, было ещё ужасней: Ольга Андреевна говорила, что Ляля читает только те книги, где пишут о сексе. Отец пытался объ-

яснять, просил не думать плохо о нём и о его дочери – всё было напрасно. Эта женщина во всём и везде видела разврат, пошлость, мерзость.

Переубедить её было невозможно. Ляля рыдала почти каждый день, а Ольга Андреевна называла её избалованной истеричкой. Последней каплей стала Лялина истерика, длившаяся несколько часов после того, как Ольга Андреевна сказала отцу, что его дочь лесбиянка. Отец вызвал скорую помощь, потому что Ляля стала задыхаться от слёз. После этого случая отец подал на развод. Через месяц Ольга Андреевна родила Марину. Ляля стала ненавидеть и Марину с такой же силой, как и её мать. Забыть все оскорбления в свой адрес и в адрес отца она не смогла за прошедшие тридцать два года. Марина для неё была таким же исчадием ада, как и её мать. И вдруг, за один день, у неё начало меняться мнение о сестре. Ляля стала узнавать о Марине, со слов Лары, отца и Тани такие черты характера, которые были свойственны и ей, Ляле: Марина увлекается импрессионистами, и привила любовь к ним и Ларе, она посоветовала младшей сестре заняться спортом, изменить гардероб, поступить в институт. В истории с Нужновым, Ляле сразу стало понятно, что ни о какой любовной связи и речи не идёт. А вот то, что умный, интересный, взрослый мужчина, мог разговаривать с её 18-летней сестрой часами, да так, что весь завод следил за их отношениями, её, Лялю, привело только к одному выводу: ему было интересно с Мариной и было о чём поговорить. Марина её заинтересовала. Но Ляля призналась себе и в том, что ей не хочется менять мнение о сестре в лучшую сторону. Ей хотелось быть единственной дочерью своего отца, унаследовавшей внутреннюю культуру и аристократизм их рода. Она давно привыкла к этой мысли, сроднилась с ней, гордилась своей исключительностью. А менять свои внутренние ощущения, о, как не хотелось. Уж лучше бы Марина была такой же, как и её ненавистная мать.

«Посмотрим, что покажет сегодняшний ужин», – решила Ляля.

Из деревни, в которой жила Танина родная сестра с мужем и двумя сыновьями, отец вернулся удручённым, но, как всегда, виду не показывал и улыбался своей очаровательной улыбкой. Татьяна, сразу с порога, прошла на кухню и, громыхая посудой, стала готовить воскресный ужин. Лариса вернулась злая и стала истерить, пытаясь уговорить мать дать ей денег на новый наряд, который хотела купить до прихода Марины.

– Дай денег! Я хочу новое платье! Ты обещала! – кричала Лара.

– Не мешай готовить! Перебьётся твоя Марина! Нашла, перед кем красоваться! – таким же криком отвечала Татьяна.

– Я не для неё, я для себя! Я не хочу носить, что ты мне понакупала! Всё выброшу, и буду ходить голой, так и знай!

– Да ходи! Мне-то что?

За час до ужина, Лариса поняла, что спорить с матерью бесполезно, что она уже в магазин не успеет, закрылась в своей комнате и стала наряжаться в то, что у неё было.

Время приближалось к шести, атмосфера в доме стояла накалённой, все ждали прихода Марины с сыном, и никто не желал этой встречи.

Часы пробили шесть раз и в квартиру позвонили.

– Она что, не могла немного опоздать? Я не успела накрыть. Босс, открой дверь. Не слышишь? К тебе гости пришли, – крикнула из кухни Татьяна.

Отец вышел из кабинета и пошёл открывать дверь.

На пороге стояла Марина с сыном. В руках у неё был торт и пакет с подарками.

– Здравствуй, папа.

– Дедушка, здравствуй, – сказал Артём и обнял дедушку за ноги.

– Здравствуйте, здравствуйте. Рад, рад вас видеть. Проходите в квартиру, – отец поцеловал Марину в щёку и поднял Артёма на руки.

– Как ты вырос, малыш! Сколько же тебе лет?

– Мне пять с половиной лет.

В прихожую вошла Лариса.

– Здравствуй, Лара. Возьми, пожалуйста, торт. И этот пакет. Там подарки отцу и тёте Тане, – сказала Марина.

– А мне подарок? – вместо приветствия, спросила Ларочка.

– Ты же получила свой подарок, – улыбнулась Марина и добавила, – Там коробка конфет для тебя.

В прихожую из кухни выглянула Татьяна.

– Здравствуй, Марина. Привет, Артём. Снимайте обувь, надевайте тапочки, мыть руки и за стол. Только – только успела накрыть. Могли – бы и опоздать немного.

– Таня, ну как ты гостей встречаешь? Я с детства приучал Марину не опаздывать. Я это не люблю. Молодцы, что пришли во – время.

– Босс, вечно ты со своими заморочками! Люблю – не люблю.

В прихожую вошла Ляля. Она слышала весь разговор, оценила, что Марина принесла для Лары конфеты, не смотря на то, что подарок был уже отдан. Она, Ляля, поступила бы также. Ей Марина начинала нравиться всё больше и больше. Но как не хочется в этом признаваться и принять!

– Интересно мне посмотреть на женщину, которая никогда никуда не опаздывает, – раздался незнакомый для Марины голос, – Говорят, если женщина не опаздывает, то это – не женщина.

– Ляля? – удивилась Марина, увидев старшую сестру, – Я не знала, что ты здесь.

– Тебя не предупредили? Отец! Лара! Что же вы не сказали Марине? Теперь я осталась без подарка, – в голосе Ляли звучала ирония.

– Артём, малыш, иди к Ларисе, – ласково попросила сына Марина.

И только после того, как Артём прошёл в зал, где был накрыт ужин, и не мог слышать дальнейшего разговора, обращаясь к Ляле, сказала:

– Могу компенсировать деньгами. Возьмёшь? – предложила Марина, тоже, с иронией.

– Я пошутила. Ты для меня самый большой подарок.

– Ну, вот и обменялись: ты для меня – сюрприз, а я для тебя подарок, – с улыбкой сказала Марина.

– Девочки, к столу. Все вас уже ждут, – позвал их отец.

Все сели за стол, и глава семьи разлил по бокалам вишнёвое домашнее вино, а Артёму – вишнёвый компот.

– Вино Танечка сделала. Она у меня мастерица. Давайте выпьем за нас за всех. Мы ещё никогда не собирались все вместе. Я этому очень рад.

– Босс, ну ты, как всегда. Ничего не понимаешь. За гостей надо. Мы-то у себя дома. За них и надо выпить. Давай за Марину с Артёмом.

– Папа, Татьяна права. Первый тост за гостей, – согласилась Ляля.

– За гостей пьют перед их уходом. Они что, уже уходят? – Лариса вопросительно посмотрела на мать.

– Откуда мне знать, как пьют и когда, – ответила Татьяна.

– Никто не уходит, Лара. Давайте за всех выпьем, – сказал отец с улыбкой.

– За всех я пить не собираюсь, – сказала Лариса.

– Как тяжело, когда много женщин, а мы, Артём, с тобой вдвоём! – засмеялся отец, – Поддержи меня, малыш.

– Можно я предложу первый тост за тебя, папа? – спросила Марина, – Ведь мы благодаря тебе собрались. Тётя Таня приготовили для нас такой роскошный ужин, тоже, благодаря тебе, – она встала, протянула свой бокал отцу и чокнулась с ним.

– За папу я выпью с удовольствием, – поддержала тост Лариса.

– Давай, Босс, за тебя.

– Твоя взяла, Марина. За тебя, папочка, – Ляля подняла бокал и чокнулась с отцом. Все стали чокаются с отцом и хвалить Танину стряпню.

Второй тост был «За всех», чуть позже за «Трёх дочерей» и «За внука».

Артём в разговоры взрослых не вступал, пил вишнёвый компот, ел салаты, которые Марина ему положила, и посматривал на всех с лукавой улыбкой.

– Марина, как в Москве живётся? Как и прежде, в НИИ работаешь? – спросила Ляля.

– Нет, к сожалению. Пришлось на ТЭЦ перейти, что бы была возможность квартиру получить. Стоим в очереди.

– Это, за какие такие заслуги тебе квартиру дадут? – удивилась Татьяна. – Ты, что, ценный специалист?

– Я простой конструктор. На таких предприятиях есть фонд для перспективной семьи.

– Что значит – перспективная? – подала голос Лариса.

– Это значит – не полная.

– Понятно. Для матерей одиночек. А ты замуж не собираешься? – спросила Ляля.

– Кому нужна женщина с ребёнком. Да ещё в коммуналке, – с усмешкой сказала Татьяна.

– Может у неё поклонник есть с квартирой. Есть, Марина? – продолжила Ляля.

– Ей гармония нужна. Без неё, просто, никак нельзя выйти, – усмехнулась Лариса.

– Был. Но я свадьбу отменила.

– Да, ладно. Так я и поверю! – удивилась Лариса.

– Ну, почему же, Лара? Действительно, отменила. У него есть и квартира и машина. Это ты хотела услышать, Ляля? – спросила Марина.

– Наверно сам бросил, а ты нам тут басни рассказываешь. Босс, ты эту историю знаешь?

– Да, знаю, Таня. Так и было. Марина мне рассказывала. Моложе был немного. Развёлся, кажется, из-за тебя. Да, Мариночка?

– Так мы, оказывается, и семьи разбиваем? Не самый лучший способ стать счастливой, – с достоинством сказала Ляля.

– Всё было немного не так. Не хочу при сыне рассказывать.

– И семьи разбиваем, и платья красивые носим. В «Берёзке» купила? – спросила Ляля, – Или это подарок? От очередного женатого поклонника?

– «Берёзка» рядом, но не для инженеров. Сама сшила.

– Ты шить умеешь? – удивилась Ляля.

– Мама, можно я скажу? – подал голос Артём впервые за вечер.

– Можно, сынок, скажи.

– Тётя Ляля, мама и вязать умеет.

– Кто бы мог подумать? Когда же успеваешь?

– Мама вечером вяжет, а я ей помогаю.

– Какой воспитанный мальчик! Наверно, наказываешь часто, что бы слушался? Тебя мама бьёт, малыш? – Ляля не могла успокоиться.

– Меня мама никогда не наказывает, и не бьёт, и даже в угол ни разу не ставила. Моя мама очень хорошая.

– А как тебя мама воспитывает? – продолжила Ляля.

– Мама говорит, что нужно уважать людей и всех уметь слушать. Я же вас всех сейчас слушаю?

– Достойный ответ! Воспитываешь культурного человека.

– Культура у человека в крови. Её невозможно воспитать, – ответила Марина, глядя в глаза Ляле.

– Ляля, как вы с Мариной похожи! Ты мне недавно абсолютно эти же слова говорила, помнишь? – спросил отец у старшей дочери.

– Интересно, по какому поводу она тебе это говорила? Не иначе, как нас с Ларочкой обсуждали.

– Таня, ну что ты такое говоришь! – возмутился отец.

– Да, ладно, тебе, Босс, из меня дуру делать! Ежу понятно.

– Дедушка, а помнишь, ты говорил, что очень любишь тётю Таню и Ларису.

– Да, говорил. Неужели, помнишь?

– Как же, любит он! Жрать любит, что я готовлю. Это он любит!

– Тётя Ляля, а почему Вы маму не любите? Она Вас обидела?

– Нет, малыш, не обидела. Я твою маму совсем не знаю.

– А Вы узнайте. Вы её полюбите, честно.

– Таким сыном можно гордиться, – тихо сказала Ляля.

– Ты права, я Артёмом очень горжусь. Не ты первая спросила, как я воспитываю сына, – так же тихо ответила Марина.

Однако и Лариса и отец, сидевшие рядом, услышали.

– Есть, кем! – сказала Лариса, с вызовом глядя на Лялю. Ляля отвела глаза.

– А кто ещё спрашивал? – спросил отец.

– Воспитательница в детском саду. Сказала, что Артём ведёт себя, как Английский лорд.

– Откуда воспитательница в детском саду может знать, как ведёт себя какой-то там английский лорд.

– Это образно, тётя Таня. Английский лорд – эталон достойного поведения в обществе, – ответила Марина.

– Я мамой, тоже, горжусь, – сказал Артём, обвёл всех взглядом и, глядя на дедушку, сказал: – У меня мама самая добрая и самая красивая! Правда, дедушка?

– Правда, Тёмочка, все мамы самые красивые.

Лариса резко вскочила и выбежала из комнаты. Стул, на котором она сидела, упал на пол.

– Ларисочка, что с тобой, дорогая? – вслед ей крикнула Ляля.

Татьяна встала из-за стола и вышла вслед за дочерью.

– Ляля, не трогай Ларису. У неё сегодня не лучший день. Давайте о чём-нибудь другом оговорим.

– Папа, ты говорил, что расскажешь о своей книге.

– Я с удовольствием, Марина. Артёмка, будешь слушать?

– Да, дедушка, буду. Мне это тоже интересно.

Отец долго рассказывал о заводе, о том, как во время войны ему пришлось эвакуироваться, как тяжело было и голодно.

Все слушали с интересом, пока не вернулась Татьяна.

– Босс, опять ты о своей книге? Кому она нужна, эта книга? Никому это не интересно. Вечно хвалишься перед всеми.

– Татьяна, это же история завода! – возмутилась Ляля.

– Да кому этот завод нужен? Лишь бы деньги платили. Сидят там, чтоб романы крутить друг с другом. Разве не так, Марина?

– Татьяна, прекрати немедленно! – возмутился отец.

– Папа, уже поздно. Артёму спать пора. Мы пойдём. Спасибо за ужин. Всё было прекрасно. А как без романов, тётя Таня? Все хотят любви.

– Помешались все на этой любви. Ваш папочка тоже любвеобильный больно. Трёх дочек настрогал от разных жён, а теперь расхлёбывается. Одна, культурная, после развода

к папочке прибежала. Другая, слава Богу, что хоть раз в год является и нервы нам тут портит своей красотой и культурой. А мы с дочкой страдать должны? Так получается?

– Папа, угомони свою жену. Я завтра же уеду. Хотя нет, это и мой дом, тоже! Уеду, когда сочту нужным. Пойдём, Марина, я провожу вас.

Марина и Артём попрощались с отцом, и вышли вместе на улицу.

– Марина, прости нас. Я ведь, тоже старалась тебя задеть. Прости. Ты ни в чём не виновата. И, знаешь, ты мне нравишься и у тебя замечательный сын.

– Спасибо. Лариса из-за чего-то расстроилась?

– Ей это полезно. Она ведь знает, что у меня детей не может быть. И каждый раз пытается меня этим уколоть. А тебе она просто завидует.

– Интересно, чему? Её отец так любит! И тебя любит. А я об этом только мечтаю. Хочется, что бы он меня любил и гордился.

– Она твоей красоте завидует. И внутреннему достоинству, хотя не понимает, что это – достоинство.

– Жаль, что мы не «Три сестры» по Чехову. Прости, нам идти надо, Артём совсем засыпает.

Они посмотрели друг на друга и, вдруг, между ними возникла та душевная теплота и близость, о которой мечтала Марина и, которую не хотела принимать Ляля. Они обнялись. Как две сестры. Впервые в жизни.

– Мне отца жалко. Береги его. Ты ему ближе и родней. И живёшь рядом, – попросила Марина.

– А мне не жалко! У него, что, 20 лет назад глаз не было? Не видел, на ком женится?

– Ляля, иногда любишь вопреки...

– Какая любовь, Марина? – перебила её Ляля, – он только маму мою любил! И никого больше!

– Я знаю. Он мне говорил.

– Прости, я опять тебя обидела. Я не хотела. Твоя мать нам много крови попортила. Я её до сих пор ненавижу.

– Ляля, что-то у нас не получается быстро стать сёстрами, хоть мы и одной крови. Нам пора. Надеюсь, ещё встретимся.

Ляля зашла в квартиру и застала дикий скандал. Кричала Таня.

– Не просто так её пасынок повесился! Интеллигенция хренова! Довела, небось, парня своими замечаниями! Зато квартира ей досталась! Жирует одна! Чтоб ноги её больше не было в моём доме!

– Таня, прекрати! Парень не перенёс смерти отца. Такое бывает.

– Ты дурак, Босс. Хватит Лялю выгораживать! А твоя Марина?! Квартиру ей дадут! Размечталась! Каким местом она её, интересно, зарабатывает? Видеть её не могу! И не смей её больше приглашать, слышишь? Она, наверно, на твою квартиру зарится! Своей-то нет, и не будет. Попользуются ею все начальники и выгонят. И приедет в Таганрог к папочке.

«Да, – подумала Ляля, – не зря аристократия в 17-м уехала из страны. С быдлом справиться невозможно», – она тихо, чтобы её не услышали, прошла в свою комнату и легла спать.

Утром, перед уходом на работу, к ней в комнату зашёл отец.

– Доброе утро, Лялочка. Хотел с тобой поговорить.

– Не стоит, папа. Я всё слышала. Сегодня уеду.

– Ты знаешь, Таня хорошая. Она немного успокоится, и ты опять приедешь. Прости, родная. Но у меня нет другого выхода.

– Нет, конечно, нет. С семнадцатого года – нет.

– Ты о чём?

– О революции. Приедешь ко мне, объясню.

Отец ушёл на работу. Ляля быстро собралась, и, даже не позавтракав, покинула квартиру. С «милыми дамами» она не простилась: Лариса ушла на работу вместе с отцом, а Татьяна, видимо, отправилась на рынок, за очередной «жратвой».

Наступил понедельник. Марина с Артёмом, позавтракав, отправились на море. После вчерашнего ужина настроение было отвратительное, и они решили сразу же после моря, не заходя домой, отправиться в кино. Решили – сделали. Посмотрели два фильма, посидели в кафе – мороженом и к шести вечера вернулись домой. Подходя к подъезду, Марина увидела Ларису с какой-то девушкой невероятных размеров. Рядом с ней, её сестра смотрелась просто «дюймовочкой».

– Привет. А мы к тебе. Это Оля, моя подруга.

– Привет. Очень приятно. Марина.

– Оля хочет босоножки посмотреть.

– Лариса, ну я же тебе сказала, что не продам.

– Ну, посмотреть-то можно? Сестра, всё-таки, просит. Не кто-то с улицы, – раздражённо сказала Лара, – Я Оле пообещала уже.

– Оля, а какой у Вас размер? – спросила Марина.

– 36-й. Я только посмотрю. Лара сказала, что они импортные и очень красивые.

– Мама, можно я во дворе погуляю? – спросил Артём.

– Погуляй, сынок. Ладно, пойдёте. Сестре сложно отказать.

Они поднялись на пятый этаж, зашли в квартиру, поздоровались с Ольгой Андреевной, которая готовила на кухне ужин, и прошли в комнату. Марина достала босоножки и с ужасом подумала о том, что Оля своими килограммами может разорвать эти несколько тоненькие ремешки, из которых сделана плетёнка.

Но как об этом сказать? После вчерашнего вечера Марина боялась хоть чем-то обидеть Ларису или её подругу.

– Это просто чудо! – воскликнула Ольга, – У нас таких днём с огнём не сыщешь. Не могу. Я померю.

И не дождавшись разрешения, быстро надела босоножки. Раздался характерный звук натянутой кожи. Оля прошла по комнате. Босоножки ещё поскрипели, напряглись, что бы понравиться очередной обладательнице, растянулись вширь, и не разорвались. Марина облегчённо вздохнула.

– Я беру, – заявила Оля, – В них так удобно! И не давят совсем. Деньги я принесла. Дорого, конечно.

– А ты чек нашла? – спросила Лариса.

– Нет, конечно. Наверно, выбросила. Девочки, я не собираюсь продавать босоножки. Лариса, я же тебе говорила.

– Ой, Марина, ну, пожалуйста! Я тебя очень прошу. Ну, просто умоляю, – заныла Оля.

– Ну, чё, тебе жалко, что ли? Всё равно, тебе не поменяют без чека, – сказала Лариса, – Я тебя прошу, как сестра сестру.

В комнату зашла Ольга Андреевна.

– Марина, да продай ты эти туфли. Смотреть на них, что ли?

– Правильно, маму слушать надо, – поддакнула Лара.

– Да она разве слушает? Тоже, мне, миллионерша нашлась – деньгами швырять. Лучше Артёму куртку купим. Забирайте туфли.

– Хорошо. Забирайте, – согласилась Марина и взяла, протянутые Ольгой, деньги.

Девушки быстро попрощались и ушли. Оля не стала снимать босоножки. Идти в них, действительно, было комфортно и легко.

– Завтра на работе мне все обзавидуются, – заявила она с гордостью.

– Слушай, давай зайдём ко мне. Тебе, всё – равно, по дороге. У нас, после вчерашнего ужина, столько всего вкусного осталось. Пожрём, заодно и маме покажем босоножки.

Оля с радостью согласилась и отправилась к Ларисе в гости.

Зайдя в квартиру, Лариса с порога стала рассказывать маме, что они были у Марины и купили босоножки для Оли.

– И что за босоножки? Покажите.

– Они на мне, тётя Таня.

– Красивые. А тебе в них удобно?

– Очень! Они импортные. Умеют же делать! – ответила Оля.

– Это что, Марина спекулянткой заделалась? Импортной обувью приторговывает? – спросила тётя Таня с насмешкой.

– Говорит, что себе купила, а в магазине, вроде, перепутали и дали другой размер, меньший, – тут же подхватила её тон Лариса.

– А вы и поверили, дурочки. Да, Марина умеет сказки рассказывать. То у неё жених богатый, то она квартиру скоро получит. Не жизнь, а сказка. Ладно, есть садитесь. Всё уже разогрела.

– Тётя Таня, Вы думаете, она специально их на продажу привезла? – спросила Оля.

– Конечно! Небось, ещё и цену загнула ого – го.

– Мама, она их за 25 рублей продала.

– Ничего себе!? Да им красная цена рублей 10. Я же говорю, врёт твоя Марина.

– И ничего она не моя, – с обидой и злостью ответила Лара, – Я её ненавижу.

– А чек она показала?

– Нет у неё чека. Потеряла, – вступила в разговор Оля, – И что теперь делать? Дурой быть не хочется. На работе скажут – переплотила. Засмеют ещё.

– А, так у неё и чека нет? Ну, точно, спекульнуть решила! И, скорей всего, не первый раз! Вяжет, видите ли, она! Тоже, мне, дурочек молодых нашла. Ты их верни ей, – предложила тётя Таня.

– А как? Я же деньги уже отдала.

– Придумай что-нибудь.

– Мама, придумай ты. У тебя лучше получится.

– Снимай босоножки, – подумав, сказала Татьяна.

В среду вечером Марина учила Артёма ездить на двухколесном велосипеде, который они недавно купили.

– Мама, смотри, дедушка идёт! Ура! И тётя Лариса! – закричал Артём, слез с велосипеда и бросился навстречу гостям.

Марина посмотрела в ту сторону, куда побежал Артём. Она увидела отца и Ларису. В руках Лариса держала знакомую импортную коробку. Отец не стал обнимать и брать на руки внука, как он обычно это делал. Отстранил его и подошёл к Марине. Артём остался стоять рядом.

– Ну, здравствуй, дочка. Извини, но нам надо поговорить.

– Здравствуй, папа. Что случилось? Привет, Лариса.

– Да вот тут такая неприятность вышла. Лариса, дай мне босоножки, – попросил отец. Лариса достала обувь, отдала отцу и закричала с истерикой в голосе:

– Мало того, что ты спекулянтка, ты ещё и наглая врунья! Подсунула рваные босоножки! Ты знала, знала, что они рваные!

– Подожди, Ларочка. Дай я Марине покажу. Вот, смотри.

Отец протянул Марине босоножки и показал на стык между плетёнкой и подошвой. У самой подошвы, на плетёнке, находились разрезы, аккуратно сделанные бритвой или острым ножом.

– Папа, но это же надрезы! Обувь так не рвётся! Этого раньше не было!

– Ты хочешь сказать, что это мы с Олей сделали? – заорала Лариса.

– Отец, если бы эти надрезы были, то они бы порвались под Олей. А она, насколько я помню, отправилась в них домой.

– Она их сняла, ясно тебе! – опять закричала Лариса, – Как только мы от тебя вышли, сняла. И ничего она в них не шла, понятно?!

– Марина, Татьяна говорит, что ты могла знать, да и Ларисе я склонён верить.

– А почему не мне? Или потому, что ты меня не воспитывал?

– Ты врунья! Ты меня обманула! И с босоножками! И с Нужновым обманула! Мне папа сказал! Я ему верю! А тебе не верю!

– Ты так сказал!? Но почему? Ты же всё знаешь!

– Да, сказал. Пришлось. Но сейчас дело в другом. Деньги надо вернуть.

– Верну, конечно. Артём, сходи домой и принеси мой кошелёк, пожалуйста.

– Дедушка, почему ты маме не веришь? Она меня никогда не обманывает.

– Не вмешивайся, Артём. Так получилось. Самому неприятно. Принеси деньги, пожалуйста. Или вы их уже потратили?

– Скорей всего, папочка, – изрекла Лара.

– Нет, деньги целы. Иди, Артём.

Артём побежал в квартиру за деньгами.

– И потом, Марина, – продолжил отец, – такие босоножки не могут стоить 25 рублей. Татьяна сказала, что им «красная цена» рублей десять.

– Папа, она специально чек выбросила. Думала, мы ей поверим! Не на тех напала!

– Был бы чек, я бы тебе, может, и поверил, что они столько стоят. Но то, что ты бракованные босоножки продала, это ты отрицать не можешь. Это бесспорный факт. Неужели, не заметила?

– Уже весь завод знает, что ты спекулянтка! Все знают про босоножки! – заорала Лариса.

– Замолчи, Лариса. Да, Марина. На заводе разговоры пошли, – извиняющимся тоном сказал отец, – Стыдно людям в глаза смотреть.

– Отец, так нельзя. Это недоразумение, поверь. Я их и продавать не хотела. Лариса, почему ты не скажешь отцу правду?

– Лариса здесь ни при чём. Она лишь хотела сделать доброе дело подруге.

– Сделала, называется! Сама чуть спекулянткой не прослыла! Перед подругой стыдно!

В этот момент подбежал Артём и протянул дедушке деньги.

– Папа, пересчитай, – заявила Лариса, – Обманет и не покраснеет.

Отец пересчитал деньги.

– Отец! Ну почему!? Почему ты со мной так поступаешь?! Прошу тебя, поверь мне! Ну, хоть раз в жизни пойми, что я твоя дочь! Услышь меня! – Марина заплакала и тихо добавила, – Я уже не прошу – полюби.

– Нехорошо получилось, понимаю. Пойми меня тоже. Татьяна ждёт. Пойдём домой, доченька.

– Дедушка, так нельзя! Это не чётно! – закричал Артём и заплакал.

Отец с Ларисой развернулись и, не сказав ни слова, ушли. Марина, обняв плачущего сына, смотрела им вслед. Немного пройдя, Лариса обернулась, показала сестре язык, взяла отца под руку и гордо зашагала дальше.

Это был 1980 год, и прослыть спекулянткой было гораздо позорнее и унижительней, чем считаться даже «гулящей женщиной».

С той злополучной встречи со злополучными босоножками прошло девять лет.

За эти годы Марина ни разу не видела отца и не разговаривала с ним, он не приезжал к ним в гости, не звонил и не давал о себе знать. Она надеялась, что со временем, отец поймёт и поверит в то, что произошло недоразумение, что её вины нет и что она, его дочь, не заслуживает тех обвинений, которые он высказал ей при последней встрече. Каждый год на его день рождения, Марина звонила в Таганрог, и каждый раз, услышав её голос, на том конце провода клали трубку. Разговаривать с ней никто не желал. Было больно, обидно и несправедливо.

На работе Марине дали освободившуюся в коммунальной квартире, комнату и она, после длительного и многоступенчатого обмена, переехала с сыном в двухкомнатную квартиру. Маму из Таганрога, тоже, путём обмена, перевезла в деревню в трёх часах от Москвы.

Ляля за эти девять лет к отцу не приезжала. Видеть «милых дам» не желала. Отца у себя принимала. Он, как и раньше, приезжал к ней достаточно часто, помогал материально, ходил с ней в театр и в рестораны, и жаловался, что никак не может выдать Ларису «замуж» и, видимо, внуков от неё не дождётся.

Ляля решила замуж больше не выходить, хотя предложения были. Отпуск проводила в роскошных курортах на Кавказе или в Крыму. Жила в своё удовольствие. Заняла высокий пост по работе. Об инциденте с Мариной знала. Мнение своё не высказывала, хотя была твёрдо уверена, что её сестра так поступить не могла.

Марина с сыном собирались провести отпуск у матери, но ночью ей приснился странный сон, а утром, уже на работе, она вдруг встала с рабочего места и отправилась в профком. И что её толкнуло? Какая сила? Не понятно.

– Добрый день. Скажите, пожалуйста, что у Вас есть на самое ближайшее время и, желательно, на Чёрном море, – спросила она у женщины, занимающейся путёвками.

– Есть несколько домов отдыха. Одна едете?

– Нет, вдвоём с сыном. Посмотрите, что есть поближе к Таганрогу?

– Ну, у Вас и запросы! И быстро и близко! Раньше о чём думали? Есть 500 километров от Таганрога. Под Анапой. Ближе нет. Устроит?

– Устроит. Выписывайте.

– Так это через два дня надо там быть. Успеете?

– Успеем.

– Название не хотите узнать?

– Мне всё равно. Выписывайте.

– Хорошо, выпишу. Вы не пожалеете. Называется «Морской прибой». И кормят хорошо.

«Да уж, о еде, как о смысле жизни, предупреждают», – подумала Марина и, оплатив путёвки, вернулась на рабочее место.

«И что это было?» – думала она, глядя на две путёвки, лежащие перед ней, – Нет, Артём, конечно, будет рад. Но ведь и в мыслях не было уезжать к морю! Собирались в деревне провести отпуск. Мама расстроится, ждала нас к себе. Ладно, дело сделано и обратного пути нет».

И вот настал день, когда они с сыном приехали в «Морской прибой». Название громкое, а дом отдыха простой и очень маленький. Зато море рядом и природа красивая. Вещи не распаковали, только купальники достали и наперегонки помчались к морю. Весь день купались, загорали, мороженое ели, смеялись по пустякам. Одним словом, радовались жизни.

«Как же, всё-таки, хорошо, что я купила путёвки! – думала Марина, – Я счастлива. Артём доволен и счастлив. Впереди целый месяц беззаботной жизни...с хорошим питанием...а, главное – море рядом!»

Вечером, когда солнце практически скрылось и стало немного прохладно, вернулись в номер. И только тогда почувствовали, что обгорели невозможно: носы красные, кожа болит так, что дотронуться больно. Это называется просто: дорвались!

Марина сбегала в магазин за сметаной, намазались ею с головы до ног, сходили на ужин, хотя сил совсем уже не было, но не оставлять же сына голодным. Оценили «хорошее питание». Интересно, что же тогда «плохое»?

– Завтра утром схожу купить что-нибудь на завтрак, пока спать будешь, – успокоила она сына, видя, как он ест пережаренную картошку с котлетой из хлеба.

Утром, когда проснулись, оба поняли, что море и солнце и, тем более, счастливая жизнь на сегодня отменяется. Не до счастья: кожа болела так, что шевелиться было невозможно.

– Есть предложение перенести поход к морю на завтра, а сегодня осчастливить эту комнату нашим присутствием! – звонко сказал Артём.

– Как же я тебя люблю, Тёмочка! Ты у меня самый лучший и самый умный! Я согласна! Счастье переносится сюда! Схожу в столовую, принесу завтрак, и будем отдыхать от моря! До магазина, точно, не дойду.

Марина сходила за завтраком и принесла его в номер. Далось ей это с большим трудом. Манную кашу есть было невозможно, ну а яйца испортить сложно. Съели по яйцу с хлебом, на том и успокоились.

– До обеда дотянем, – сказала Марина и услышала стук в дверь.

– Открыто, заходите, гостем будете! – весело сказал Артём и тут же скривился: даже смеяться было больно.

В дверь вошла работница «Морского прибоя».

– Вы Марина Красовская? – спросила она.

– Да. А это мой сын – Артём. А что? Что-то не так?

– Вы только не волнуйтесь, пожалуйста. Вам тут из Москвы прислали... – сказала и замолчала. Тяжело вздохнула, как будто сил хотела набраться, и продолжила: – ...телеграмму. Вы только не волнуйтесь, – и посмотрела на Марину с жалостью.

Сердце упало куда-то вниз. От нестерпимой боли сжалось в точку.

Или совсем исчезло? Вспомнился странный сон, в глазах потемнело, ноги стали ватными, сил не осталось на то, что бы встать, подойти к женщине и взять белый кусочек бумаги, в котором было написано что-то такое, что непременно принесёт ей ещё, более нестерпимую, боль.

Пронзила мысль: «Что-то с мамой».

Помог сын. Взял из рук женщины телеграмму, развернул, прочитал про себя и только потом сказал, да так тихо, что еле услышала, вернее, не услышала даже, а осознала: умер отец.

– Мама, наш дедушка умер. Похороны сегодня в час дня, – сказал, подошёл к ней, обнял, – Поехали. Мы же успеем?

– Должны. Сколько сейчас времени? – голос свой не узнала.

– Десять. Вы собирайтесь, а я вам такси вызову, – быстро сообразила работница и выскочила из комнаты.

Марина с сыном были готовы через 5 минут, а ещё через 5 минут подъехало такси.

– Проехать 500 километров за три часа сложно. Но будем пытаться. Садитесь, – сказал водитель.

Машина мчалась со скоростью 150, а иногда, и 170 километров в час. Марине было страшно, особенно, за сына. Но надо было успеть.

И они успели. Въехали во двор ровно в час дня.

После похорон все отправились на поминки.

Все приглашённые стояли у входа в ресторан, который был полностью арендован для столь грустного события, и ждали приглашения, чтобы войти. Татьяна, Ляля и Лариса были окружены родственниками. К Марине с Артёмом подошли сотрудники завода, знавшие её с юности.

Высказывались соболезнования, но в большей степени, всех интересовала её жизнь, работа и сын. Она рассеяно отвечала на вопросы, благодарила за сочувствие, а сама пыталась встретиться взглядом с сёстрами. Татьяна с Ларисой стояли к ней спиной, всем своим видом показывая, что общение, даже в такой день, не входит в их планы. Ляля же, пообщавшись с родственниками, подошла к Марине.

– Здравствуй, Марина. Артём, ты совсем взрослый. Здравствуй.

– Здравствуй, Ляля. Спасибо, что прислали телеграмму.

– Вас было очень сложно найти. Всю Москву на ноги подняли. Молодцы, что приехали.

– Мы еле успели.

– А ты помнишь нашего двоюродного брата? Вы, помню, с ним встречались.

– Ляля, это было почти 30 лет назад! Я его не узнаю.

– Пойдём, я вас к нему отведу.

Ляля подвела Марину с Артёмом к родственникам. Представила всех друг другу.

– Здравствуй, Марина. Я – Михаил. Ты меня не узнала? Ещё бы! Я совсем старый стал. И лысый.

Марине было лет 13, когда она познакомилась в доме отца с двоюродным братом. Он был старше её на 15 лет, необыкновенно красив, умён и добр. Они договорились, что Михаил зайдёт к ней через неделю в гости, и они пойдут фотографироваться. Для этого случая мама купила ей красивое платье. Михаил пришёл, и они отправились к морю, а не в ателье. Была зима. Марина страшно замёрзла, но сказать брату стеснялась. После этой прогулки она пролежала с высокой температурой две недели. Больше они с братом никогда не встречались, но тёплые воспоминания из памяти не стёрлись.

– Здравствуй, Михаил. Как я рада тебя видеть. Познакомься, это мой сын, Артём.

– Привет, Артём. Надеюсь, мы с тобой подружимся. У меня такой же взрослый сын. Я вас обязательно познакомлю.

В этот момент всех пригласили пройти в ресторан. Для родственников был накрыт отдельный стол, как и положено. Когда Марина с Михаилом и Артёмом подошли к столу, то оказалось, что свободен только один стул. Татьяна позвала Михаила.

– Марина, пойдём, сядем за другой стол, – предложил Михаил, – Не переживай, я вас с Артёмом не оставлю.

– Спасибо. Мне здесь не очень рады.

– Бояться, что на наследство будешь претендовать.

– Какое наследство? Мне ничего не надо.

– Но это ты знаешь, а они-то по себе судят. Наследство у твоего отца большое.

– Михаил, меня это не интересует. Мне нужна была только его любовь, но этого не случилось, – Марина заплакала.

– Мариночка, родная. Не плачь.

– Он меня не любил. Даже никогда «родной» не назвал. Ни одного ласкового слова ни от отца, ни от матери. Это очень больно, Миша.

– Артём, – сказал Михаил, – мы твою маму уговорим поехать ко мне в гости, как ты считаешь?

– Я хорошо считаю, дядя Миша. Мама сейчас в отпуске. Мы только один день позагорали и всё.

– Вот и прекрасно! После поминок зайдём к Татьяне домой, за моими вещами, и сразу же отправимся в Краснодар, а потом к морю.

– Меня не надо уговаривать. Я согласна.

После поминок, Ляля уехала в Ростов, попрощавшись со всеми родственниками и обменявшись с Мариной адресами. Марина с братом и сыном зашли в отцовскую квартиру.

Лариса заперлась в своей комнате. Татьяна подошла к Марине.

– Марина, ты, наверно, хочешь взять что-то в память об отце? К сожалению, у меня ничего нет. Ну, если только вот эти часы. Отец их долго носил, пока они не сломались. Но, может, починишь? Если захочешь.

– Я возьму, – сказал Артём, – Спасибо.

Марина с сыном гостили у брата целых две недели. И это было счастье! Она, впервые, почувствовала себя в Семье! К ней и к её сыну прекрасно относились! Брат любил её, как сестру. Он был ей и братом и другом. Это было новое, необъяснимое чувство, и это чувство было похоже на то, которое она испытывала, когда отец приезжал к ней в Москву. Если честно, он к ней никогда и не приезжал. У него были деловые командировки. А, заодно, встреча с дочерью. Заодно!

А если бы он, хоть раз, сказал, что любит её. Ели бы один только раз назвал её «Принцессой»! А если бы провёл с ней хоть неделю вдвоём, на море, или в деревне! Не важно, где. Просто вдвоём. Как отец и дочь. Может быть, её жизнь сложилась бы иначе? Счастливее? Было бы меньше боли, больше уверенности в себе и в собственных силах, она бы больше добилась в жизни, будь у неё отцовская поддержка и любовь. Просто была бы другая жизнь.

Уже возвращаясь в Москву, в поезде, Марина обняла сына и сказала:

– Артём, как важно для человека, что бы его любили. Любили и верили. Знай, что я тебя люблю, сынок. И помни об этом всегда – всегда.

Сёстры, после похорон отца, больше никогда не встречались. Ляля потеряла адрес Марины, а у тёти Тани брат не хотела. Лариса замуж так и не вышла. Со временем, она с мамой, переехала в деревню, а в квартире отца поселились Татьянины племянники с детьми и жёнами. Бывшая роскошная квартира аристократа быстро превратилась в коммуналку.

БЕССЕРДЕЧНАЯ

I часть

Через три года после окончания войны, в артистической, достаточно обеспеченной семье, родился долгожданный ребёнок. Дочке дали имя – Людмила, а между собой стали ласково называть её – Милочкой или Принцессой. Отец, Артур Вениаминович, работал главным режиссёром местного театра, а его жена, Лидия, как и водится в таких случаях, ведущей актрисой этого же театра.

Их брак длился двадцать лет и был, по их мнению, удачным. Познакомились они в Ростовском театральном училище, где Артур посещал занятия по режиссёрскому и сценарному мастерству, а Лидия, как и свойственно красавице, училась на актрису. Они очень быстро сдружились, так как их жизненные цели и желания совпадали: оба мечтали о славе, только в Москве хотели проявлять свои способности, семья в их планы не входила и о детях

они даже не думали. За время учёбы их дружба перешла в симпатию друг к другу и после окончания училища они решили ехать покорять столицу вместе. За год мытарств в Москве оба поняли, что их здесь никто не ждал и не желал видеть их талант. Посоветовавшись друг с другом, они приняли решение вернуться в родные пенаты. Трудности настолько их сроднили, что они решили сочетаться браком и попытаться, пусть со временем, но, всё-таки, покорить Москву. Детей решили не заводить, дабы те не мешали в достижении их общей цели.

За 18 лет работы в провинциальном театре, Артур стал главным режиссёром, а Лидия – ведущей актрисой. Представители из Москвы любили посещать премьеры их небольшого, но очень известного театра – театра имени А. П. Чехова. Однако предложений о переезде в Москву они так и не получили. Артур Вениаминович отчаялся, стал настаивать на детях, но Лидия была непреклонна в этом вопросе, пока не осознала, что время молодости прошло и пора подумать о потомстве.

Милочка родилась очень слабенькой и болезненной. Врачи поставили неутешительный диагноз: порок сердца и увеличенные миндалины. Миндалины часто воспалялись и ухудшали работу и без того больного сердца. Своё детство Мила часто проводила с высокой температурой, неделями лежала в больницах или в детских санаториях – после больницы.

– Бедный ребёнок, мне так её жаль, – тяжело, со вздохом, говорил Артур, – В таком возрасте рожать – это опасно. Это мы виноваты в том, что у нас больная дочь. Раньше надо было подумать о детях. И я тебе об этом говорил. Неоднократно! Но разве ты хоть раз, хоть в чём-то меня послушалась?

– Артур, ты, как всегда, хочешь жить по сценарию, написанному тобой. Но так, к сожалению, не получается. Мы с тобой давно в этом убедились. И потом, как ты можешь меня упрекать?! Я же актриса! Молодость у нас так быстротечна! И у меня была причина!

Причина, действительно, была: Лидия до сорока лет играла Джульетту, Офелию и Нину Заречную в «Чайке», а во время детских каникул, бывало, и Красную Шапочку. Беременными она своих героинь совершенно не представляла, от ролей отказываться не желала, вот и дотянула до сорока лет.

Милочку родители обожали, поэтому ни денег ни сил на её здоровье не жалели: лечили в лучших больницах и санаториях города, консультировались о её слабом сердечке, исключительно, у известных врачей области, а когда дочери исполнилось три года, повезли в Москву. Именно там, известный детский кардиолог, Леонид Харитонович Кечкер, успокоил их немного, сказав, что, вполне вероятно, к 18 годам порок может «компенсироваться», и их ребёнок проживёт долго и счастливо. Но именно в 18 лет, и никак не раньше, необходимо будет сделать небольшую операцию по удалению гланд.

– А сейчас, дорогие родители, – сказал Кечкер, – Глубоко вздохните и только через 15 лет выдохните, так как придётся вам тяжело. Девочку надо беречь и не перегружать её слабое сердечко. Простужаться ей, категорически, нельзя. Закаляйте ребёнка и радуйтесь её удивительной красоте.

И действительно, Милочка была удивительно, как хороша. Для актёрской пары внешность их болезненного ребёнка, была настоящей гордостью:

– Доченька вся в меня, – говорила Лидия, – Такая же красивая и, наверняка, талантливая. Вырастет и станет большой актрисой. Выздоровет бы ей только, моей малышке.

– Да, дорогая, это самое главное. Посмотрим. Может, и в кино будет сниматься, если повезёт, – отвечал Артур.

– Опять сценарий пишешь? О кино можно только мечтать. Я до сих пор мечтаю, а что толку? Но в одном ты прав: надо её постепенно приучать к сцене. Может, на репетиции брать?

– Не рано ли? Уж, больно она слабенькая. Немного подождать надо. Ты в кино мечтаешь сыграть, а я до сих пор надеюсь, что меня заметят и пригласят в Москву. Каждый раз, когда приезжают знаменитости из Москвы и смотрят мои спектакли, я жду. Жду, жду, жду. Жду восторга, жду предложений! И ничего. Ничего не меняется. Лида, скажи, я что, плохой режиссёр?!

– Ты прекрасный режиссёр, Артур. Я уверена – тебя заметят. И обязательно пригласят в Москву. Не отчаивайся. Надо ждать. Ждать и верить. И я жду. Только вот Офелию уже не смогу сыграть, да и Анну Каренину, тоже. К сожалению, героинь, которым далеко за сорок, в нашей драматургии нет.

– Как это нет? А бабушка в «Красной Шапочке»? Чем не героиня?

– Издеваешься?

Милочку жалели, любили, холили и лелеяли, одевали во всё самое красивое, дорогое и модное. Продукты покупали только на рынке, закаляли, не кутали. Одним словом, делали всё, что им посоветовал известный на всю страну врач. В детский сад Милочку не водили, и с детьми играть ей категорически запрещали – а вдруг нечаянно толкнут или, ещё хуже, случайно заразят каким-нибудь гриппом.

К ней приставили няню – высокую, статную, с благородной осанкой, пожилую гречанку, с удивительным именем Афина. Женщина была прекрасно образована, до пенсии работала в школе, знала историю, литературу, прекрасно говорила на греческом языке и очень любила свою страну, в которой никогда не была. Афина носила длинные, до пола, юбки, широкие блузы под пояс и платки, завязанные на затылке в красивый узел.

Когда Милочка была здорова, няня водила её к морю, и они часами гуляли по берегу и дышали воздухом, в котором было очень много йода, полезного для слабого здоровья девочки. Когда же Милочка заболела, няня садилась рядом с ней у кровати и читала сказки. Сказки Милочка любила не все, многие считала «не добрыми» и «неправильными» и не верила им: она не верила, что Красная Шапочка выйдет здоровой из животика волка, что лягушка может превратиться в красавицу царевну и что Иванушку – дурачка, пролежавшего на печи полжизни, полюбит царевна и подарит ему полцарства. Ей было жалко Красную шапочку, которую съел волк и бедную Настеньку, которую отправили зимой в лес за подснежниками. Но, особенно, Милочка переживала за Русалочку, которая умерла из-за любви к прекрасному принцу. Она просила Афины перечитывать её несколько раз, в надежде, что конец сказки будет другим и принц поймёт, кто спас его и Русалочка останется жива. В такие моменты Милочка расстраивалась из-за очередной «неправильности» и сердце начинало сильно стучать, воздуха не хватало, и она просила няню остановиться.

– Нянечка, – говорила девочка, – Если бы Русалочка могла говорить! И писать она не умела. Написала бы на песке и всё бы закончилось хорошо.

– Мы не будем больше читать эту сказку. Не плачь, моро му (*греч. – малыш*).

– Нет, будем. В сказках всё должно хорошо заканчиваться. Давай её перепишем. Можно?

– Нет, милая, нельзя. У неё уже есть автор. Андерсен. Он хотел сказать, что, когда любишь, многим приходится жертвовать.

– Я люблю Русалочку и тоже жертвую. Я своё сердце погулять выпустила. Оно постучалось и ушло. Давай другую сказку прочитаем, «правильную». Может, оно вернётся?

Няня прекращала читать, давала ей нужное лекарство и начинала рассказывать девочке о своей любимой стране, в которой никогда не была, но очень по ней скучала.

Когда Милочка подросла и стала ходить в школу, Афина стала читать ей большую толстую книгу, которая называлась «Мифы и легенды Древней Греции». Эту книгу о Греческих Богах и Героях девочка любила гораздо больше, чем сказки. Она восхищалась Амазонками, защищавшими Трою, с восторгом слушала о подвигах Геракла, жалела Пенелопу,

которая столько лет ждала своего Одиссея и сострадала Афродите, потерявшей своего единственного, так сильно любимого юношу.

– Афина, почему Боги допустили, что бы Адонис погиб? – спрашивала Милочка у няни, – Мне их очень жалко. Они так любили друг друга.

– Боги не могут за всем уследить, – отвечала няня.

– Надо было Адонису послушаться Афродиту. Тогда бы он остался жив, и они были бы счастливы. Долго – долго. Няня, дай мне капли, а то моё сердце хочет убежать.

– Милая моя, тебе совсем нельзя нервничать. Не допустим, что бы твоё сердечко убежало. Мы же не хотим стать «бессердечной», – пыталась шутить няня.

– Афиночка, – смеялась Мила, – я не стану бессердечной. «Бессердечная» – это, когда у человека совсем нет сердца, и он никого не любит. А я всех люблю. И тебя и маму и папу.

– А ещё и Афродиту с Адонисом, и Русалочку. Моро му, да разве с таким сердцем можно всех любить? Не выдержит оно, сердечко твоё, так много любви.

– Моё сердце всё выдержит, вот увидишь! Я вырасту и обязательно стану здоровой! И любить буду! Разве можно жить без любви? Ты хочешь, что бы у меня была такая жалкая жизнь?

– Конечно, не хочу. Ты обязательно станешь здоровой. И в Грецию ко мне приедешь. Я покажу тебе гору Олимп. Там жили твои любимые Боги.

– А сейчас не живут? Почему ты говоришь – жили?

– И сейчас живут, милая. Конечно, живут. Они же бессмертные.

– Обязательно приеду. И к ним и к тебе. Ты разве собираешься уезжать, нянечка моя любимая? А как же я?

– Не волнуйся, агапи му (*греч. – любовь моя*). Это не скоро будет. Дай бог, лет через десять. Ты уже совсем взрослой станешь. И красавицей. Как Афродита.

– И такой же несчастной? Не хочу, как Афродита. Уж лучше просто Музой. Мельпоменой, например. А что? Муза театра и трагедий! Стану актрисой! Как моя мама. Красота! И кинжал в руке! А на голове венок из кипарисовых веточек. Как ты думаешь, мне пойдёт?

– Тебе всё пойдёт, милая. И актрисой станешь. Великой актрисой. Ты же у меня красавица.

– А ты у меня самая лучшая няня на свете. Не уезжай, пожалуйста. Моё сердце не выдержит, ты же знаешь.

Сердце и, правда, не выдержало, когда однажды Афина пришла попрощаться с Милой и её родителями.

– Уезжаю, – сказала она. – Домой поеду, на Родину. Вот, бумагу из Греции получила. Разрешили мне вернуться.

– А как же я без тебя, Афиночка?

– Ты, моя девочка, уже совсем взрослая стала. Не нужна тебе няня.

– Мне не няня нужна. Мне ты нужна.

– И я тебе не нужна уже. Тебе четырнадцать! Ты уже в возрасте Джульетты, а это значит, что можешь и решения самостоятельно принимать. Помнишь, что она сделала?

– Да ничего она не сделала! Подумаешь, влюбилась!

– Э, да ты, и правда, бессердечная. Джульетта не только влюбилась, но и пошла против воли родителей, решив не расставаться с Ромео.

– У нас в классе все девчонки – Джульетты. И все мальчишки – Ромео. Только и делают, что в любви объясняются. То одних любят, то – других. Правда, решения им не надо принимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.